

СЕВЕРНЫЙ ОГОНЁК ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

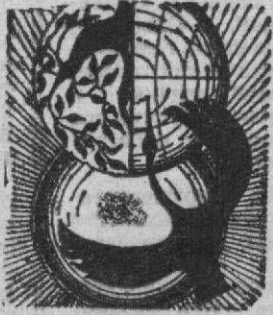
В сегодняшнем выпуске «Северного огонёка» представлены стихи Сергея Сметанина и Григория Вихрова, членов городского литературного объединения. Нынешняя встреча молодых авторов с читателями — своеобразный их творческий отчет о сделанном, ибо в подборку каждого из них вошли стихи, написанные в основном в последнее время.

С творчеством Сергея Сметанина сургутяне уже знакомы. Стихи его публиковались в нашей газете, он участник многих литературных

встреч и вечеров. Григория Вихрова «Северный огонек» представляет впервые. О том, что и как он пишет, о главных направлениях его творчества, конечно же, лучше всего скажут его стихи. А о самом авторе можно сказать так: публиковался на страницах московских газет, в молодежной печати. Сейчас живет в нашем городе и возглавляет комсомольскую организацию ГПТУ-17, активно участвует в работе городского литературного объединения.

«ВСЕ МНЕ ОТКРОВЕНЬЕ И НАГРАДА...»

Сергей
Сметанин

ВОЗВРАЩЕНИЕ
Вот и снова
коричневый Буг
за спиной,
Над обрывом высокие
липы.
В моем сердце,
на четверть
сожженным войной,
Заблудились
тревожные всхлипы.
Значит, вправду война
— перед самым
концом,
Только грусть
от товарищей
прячешь:
Где-то здесь
похоронены
мама с отцом.
Память глупая,
что ж ты не плачешь?
Я отсюда ушел
рядовым на восток.
Я вернулся сюда
лейтенантом.
Я ни разу не смог
отослать пару строк
Той девочке
с отчаянным бантом.
Где он, госпиталь тот?
В Оренбурге, в тылу.
Не молиться ему
как удаче ж!
Я вернулся один
к дорогому углу.
Память глупая,
что ж ты не плачешь?
В первом взводе моем
в румын, в поляк
Старше возрастом —
в правом пожиже,
Но в кровавом металле
вчерашних атак
Научиться чему-то
смогли же.
Нынче — Родина их,
нынче Краков и Клуз
Впереди, только путь
обозначишь.
Первый взвод —
он смертельно
еще неуклюж.
Память глупая,
что ж ты не плачешь?
Довоенная карта
затерта до дыр.
Боль названий —
бальзамом по нервам.
Их поднимет в атаку
чужой командир,
Только сам он
поднимется первым.
А когда ты
на бруствер
заскочишь легко
И пробитым виском
замалчишь,
Значит, даже Берлин
не совсем далеко...
Память глупая,
что ж ты не плачешь?

Народные песни —
работы родня
И отдыха вольные
дети, —
Им сладко и больно
в душе у меня.
Такой заурядной
на свете.
Народные песни —
простые слова
Смеются и горестно
плачут.
Мы чувствовать их
начинаем едва —
Они нас роднят
и иначе.
Они за резонансом
не лезут в карман,
Привычное множат
чудесней,
Они никогда нас
не вводят в обман,
Прекрасные русские
песни.

Нам обычная радость
давалась с трудом.
Мы давились
ушешкой, как костью,
Мы срывали живые
с намерзающим льдом,
Мы ругались
с азартом и злостью.
Стыдновато теперь,
что тогда, на «ура»,
Словно пот, выжимали
проценты,
И запачки скрывали,
чтоб дать «на гора»
Чуть попозже,
под аплодисменты.
Нет, не то, чтоб иначе
мы жить не могли,
И на время свалить
мы не впривале.
Просто нефть этой
взбуренной нами земли
Нас пьянила
без привязи к славе,
Просто ветер,
шипя ледяным
кипячком,
Не без нежности
шпарил по коже.
И, работая с глупым
еще пареньком,
Сам себе я казался
моложе.
Оттого мы и верили
в силу и власть
Без особых забот
о деталях:
Отмывается пот,
отмывается грязь,
Не отмоешь то,
что мы дали,
Что сварили, дыша
на холодный металл,
Как на зеркальце
после увечья,
Чтоб в тайге
сквозь сосновый,
звериный оскл
Проглянуло лицо
человечье.

В резком полусумраке
прохлады,
В радуге у самой
у воды,
Все мне — откровенье
и награда,
Все — твои
прозрачные следы.
Родина! С тобой

мне не больно!
Неба голубая
Будто бы платок
прямоугольный
Женщины,
прищурившей глаза:
Глиняная грязь
на косогоре,
Выжженная зелень
ковыля,
Жерди на конюшенном
заборе,
Светлые, далекие
поля,
Трактора ли рокот
полусонный,
С пылью ли
промчался грузовик...
И ничем, ничем
не замутненный
В углублении берега —
родник,
ПАНОРАМА
Счастья в жизни —
хоть отбавляй!
Выливается через
край.
На цветном коромысле
радуги
Чуть покачивается
трамвай.
Рельсы сходятся
вверх и вниз.
Из травы торчит
острый лист.
И качается рядом
с жаворонком
Чуть правее —
парашютист.
Это пригород.
А вдали,
В тесной пригоршне
Земли,
Белый город,
как белый памятник
Тем, кто ведали
и могли.

Бабым летом,
в Сургуте,
в субботу,
Над домами рекой
и тайгой —
Мне такого
не помнится что-то —
Удивительный
льется покой.
Размыкаются лица
и двери,
Замедляется
времени ход,
Из каких-то
зеркальных материй
Музыкальная фраза
плывет.
Перерезанный тучами
месяц —
Словно четкая
медь пятака,
И с балкона,
до пояса свесясь,
Два хозяина
кличут щенка.

РУССКИЕ ПЕСНИ

Звучанье живых
человеческих слов —
«е это ли было
вначале,
Когда, не имея
названия стихов,
Обычные песни
звучали?»

Григорий
Вихров

«Стихам суждено накаляться...»

Мама, ты только
не смей
Зря горевать
над летами.
Стан твоих голубей
В долгое небо
взлетали.
Плавно кружили они,
Ты узнавала
с волнением
Ясные разные дни —
Радужное оперенье.
Мама, ты только
не смей,
Шаль закусия,
ненароком
Пересчитать голубей.
Не прилетевших
до срока,
Пусть навсегда,
до зари,
Встречу с разлукой
мешая,
Кружат твои почтарь
белая стая большая.

Годы мнут, мину
Недорода, урожая.
Мамы платочки вынут,
встречая и провожая.
Любимые не удержат,
не выдержат и утешат,
письма опережая...
пропая и угрожая,
— А вы нам давно
не снились...
— А мы вас давно
не свали...
— А как вы
не изменились...
— А мы вас
с трудом узнали...
Годы мнут,
меняют
Недорода на урожай.
Мамы не обвиняют,
Когда мы их обнимаем,
Скажу — этой жизни
мало,
чтобы с легкой
душою
кричать: хватало,
или назвать чуною,
Дальняя память —
ближе.
Близкую освещаю.
Прежние лица вижу.
Встречаю и провожаю

Не страшен я вечности
взмах.
Осмелюсь!
Затеплить сумеете
Бессонный огонь
на губах!
Стихам суждено
накаляться
на злой наковальне
беды,
протявться,
сопротивляться,
высвечивать
из немоты.
Когда очевидна
нелепость
и надо платить
головой —
Стихам сообщится
целебность
И мертвой воды,
и живой.

Жизнь — запотевший
ковш.
Из жадного ковша
Без передыха пьешь —
Водича хороша!
Одним — на дне
глоток.
Немногим —
через край,
Какой веселый бог
Смешал и боль,
и рай?
Кто нам подарит
вновь?..
За жалкие гроши
Готовь, гончар,
готовь
Желанные ковши.
**ИГРУШЕЧНЫХ
ДЕЛ МАСТЕР**
Кони коренасты
верстаками,
стружка грив —
пахучая волна
Вам бы рискунами
рысаками,
но задача мастера
сиромна.
...И копыта крася
терпеливо,
клея колокольчики
на грудь,
рассуждает адрово,
неспесиво:
— Ладо уж, доскачут
как-нибудь.
Для повозок детских
и обозов
лошадь повynosливей
осла...
А в глазах трудяг
тяжеловозов —
пламя — верный
промах ремесла.
ДЕТСТВО
Разговорчивый рожок
звонкий, безусловное,
сердце звуками
прожог.
Ну, еще один
прыжок —
за мостом —
Коломна.
Здесь, в бурьяне
обложном,
наши незадачи
переждем, переживем.
даже не заплачем.
Не собрать и

не сыграть
тех, какими были.
Всю разбойничью рать
казаки простили.

Над ложем молодого
пастуха
Вселенная пропахла
козьим сыром.
Пусть поцелуй
главенствует
над миром
и материнский запах
молока.
Он и Она
одним рассветом
грезят,
Когда река
покинет берега,
пусть юноша возьмет
и вынет гребень —
не волосы, а крылья
ветерка.
Не рассудить
мгновенья и века,
как не понять,
где небо,
где река.

Короткой нежности
недолгое дыханье
встречают
возмужавшие уста
И даже сердцу ясно —
расставанье
не одолеет нежность
никогда.
Беспамятство
преодолеет пытку
и новое дыхание
открыв...
Я нежности артерию,
как нитку,
испытываю снова
на разрыв.

Улица влажная,
долгая,
Тонкая, точно рука.
Приподнимается,
трогая,
Избы, деревья,
стога.
На локотке,
повороте ли
Кожу до тьмы
обожгло.
Что ж петухи
не орете вы? —
Как на запястье
светло!
ПОЭТАМ
Кто останется
морем,
Кто родником.
Кто колодезной
тихой водой,
принимающей солнце
открытым лицом.
Молодую водой, —
Молодой.